

Джованни Арриги

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МАКРОСОЦИОЛОГИЯ¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

История постоянно приводит в беспорядок стройные концептуальные построения и теоретические посылки, на основе которых мы пытаемся понять прошлое и предсказать будущее мира, в котором живем. В нашей попытке справиться с «хаосом экзистенциальных суждений» (Макс Вебер), порожденных событиями и процессами, которые бросают вызов нашему пониманию мира, мы стремимся отрицать или преувеличивать новизну того, что происходит в действительности. Отрицание ведет к изменениям в привычном употреблении слов. Преувеличение ведет к созданию новых слов неопределенного содержания. В любом случае, перефразируя Джона Раджи (Ruggie 1994, p. 553), можно сказать, что «времена перемен — это также времена беспорядка».

Около двадцати-тридцати лет назад главным источником путаницы в работах по глобальной политической экономике было постоянное использование термина «империализм» для обозначения тенденций, которые в ключевых отношениях были противоположны тенденциям, являющимся предметом классических теорий империализма (как либерального, так и марксистского). В критике использования этого анахронического термина я подчеркнул тот факт, что утверждение гегемонии США после Второй мировой войны подорвало самую основу классических теорий империализма, а именно тенденцию межкапиталистической конкуренции превращать

¹ Статья публикуется с любезного разрешения автора по тексту: Giovanni Arrighi, «Globalization And Historical Macrosociology,» in Janet Abu-Lughod (ed.) *Sociology for the Twenty-First Century. Continuities and Cutting Edges*. Chicago: Chicago University Press, 1999, pp. 117–133. Более ранняя версия статьи была представлена на совместной Североамериканской конференции Американской социологической ассоциации и Международной социологической ассоциации "Millennial Milestone. The Heritage and Future of Sociology" в Торонто, Канада, 7–8 августа 1997.

ся в открытый и глобальный военный конфликт. Новые тенденции в процессах накопления капитала, разворачивающиеся в транснациональных корпорациях, подорвали представления о самостоятельном и антагонистическом характере национальных государств, из которых исходили в своих построениях классические теории империализма. Явный отход ведущих развитых капиталистических стран от сползания к открытому глобальному военному столкновению мог бы привести к тому, что либеральный основатель теорий империализма Джон Гобсон называл «экспериментальной и прогрессивной федерацией» (Arrighi 1978, p. 148).

Через двадцать лет после того, как это было написано, термин империализм практически исчез из социально-научного дискурса, а данная проблема вроде бы более не является вопросом, на который нельзя найти ответа. Это объяснение есть «глобализация», но оно еще не вполне четко и само находится в поиске теорий, способных разъяснить все то, что предлагается нашему вниманию при использовании этого термина. Учитывая неопределенное значение данного понятия, исследование необходимо начать с изучения процессов, которые понимаются под названием «глобализация» и которые действительно заслуживают нашего внимания.

Наиболее широко известным среди этих процессов является тот, который я упоминал в своей эпистемологической критике теорий империализма, — это все увеличивающееся число разнообразных корпораций, которые организуют свою деятельность по получению прибыли поверх государственных границ. Мысль о том, что появление системы транснациональных корпораций подрывает мощь национальных государств — начиная с самых маленьких и слабых, которые никогда не обладали особой силой, и заканчивая более крупными и сильными — существовала еще тогда, когда Чарльз Киндлебергер (Kindleberger 1969, ch. 6) заявил о том, что данное обстоятельство означает, что государство-нация «как экономическая единица просто перестает существовать». Однако только через двадцать лет эта идея, наряду с другими, была вновь возвращена в оборот под новым наименованием «глобализации».

За эти же двадцать лет произошло следующее: расширяющаяся система ТНК породила два других процесса, которые набрали силу и подтвердили мысль о том, что существует только одна неделимая и глобальная рыночная экономика. Первый процесс стал известен как «финансовая глобализация», а второй — как возрождение неоутилитаристской доктрины «минимального государства». После Великой депрессии 30-х годов XX века и Второй мировой войны финансовые рынки стали национально сегментированными и публично регулируемы. Выражение «финансовая глобализация» используется для обозначения процесса реинтеграции этих рынков в единый, в основном нерегулируемый, глобальный рынок. В результате этой реинтеграции и дерегуляции мировые *частные* финансы — «высокие финансы», как их называли в XIX веке, «подобно фениксу, восставшему из пепла... взлетели и достигли новых высот власти и влияния в делах наций» (Cohen 1996, p. 268).

Это воскрешение мировых «высоких финансов» сопровождалось параллельным воскрешением давно дискредитированной доктрины саморегулирующегося рынка, которую уже Карл Полаanyi (Polanyi 1957, ch. 12–13) недвусмысленно называл «типичным либеральным кредо». С распространением этих идей энергичные попытки национальных правительств регулировать производство и распределение мировых денег постепенно сходили на нет, давая таким образом новый импульс к сокращению госрегулирования и глобальной реинтеграции финансовых рынков. Финансовая система, которая появилась в результате этого двойного воскрешения, была на самом деле не более «глобальной», чем предыдущая Бреттон-Вудская система. Итак, термин «глобализация» был введен в оборот главным образом для обозначения «перехода от иерархической глобальной системы, политически контролируемой США, к другой системе, которая была бы более децентрализованной и координируемой рынком, что делало финансовое положение капитализма гораздо более неопределенным и менее стабильными» (Harvey 1995, p. 8).

Дэвид Харви признается, что наиболее циничным обстоятельством, всплывшим в ходе его анализа, является прояснение того, как «финансовый пресс» подтолкнул «всех нас к вере в „глобализацию“ как в нечто действительно новое, тогда как в действительности она была лишь обыкновенным рекламным трюком, чтобы добиться лучшего результата в необходимой перенастройке системы международных финансов» (Harvey 1995, p. 8). Трюк или нет, но идея глобализации изначально переплеталась с идеей интенсивной межгосударственной конкуренции за приток все более подвижного международного капитала и, как следствие, более жесткого подчинения большинства стран (включая США) диктату частных капиталистических организаций. Возможно, глобализация — это вводящий в заблуждение термин для обозначения перехода от глобальной финансовой системы, управляемой иерархией правительственных организаций, возглавляемых Соединенными Штатами, к такой же глобальной финансовой системе, в которой правительства практически не контролируют свои финансы и отчаянно конкурируют друг с другом за расположение и содействие частного капитала. Но вне зависимости от того, желаем ли мы оставлять этот термин или нет, мы едва ли можем надеяться на прояснение того, что происходило во всем мире где-то в последние двадцать лет, не уделив пристального внимания непосредственно процессу этого сдвига.

Внимание тем более оправдано ввиду того факта, что переход был связан с двумя другими эпохальными событиями: внезапным распадом СССР как одной из двух глобальных военных супердержав и более постепенным, но все еще необычайно быстрым подъемом Восточной Азии как индустриальной и финансовой силы глобального значения. Взятые одновременно, эти два события обеспечивают дополнительное доказательство в поддержку представления о том, что источники богатства, статуса и власти в современном мире переживают некоторые фундаментальные изменения.

С одной стороны, внезапный крах СССР, вне всякого сомнения, высветил то, что было уже присуще более постепенному и менее масштабному процес-

су ухудшения позиций США в финансовой сфере, а именно насколько уязвимыми перед силами глобальной экономической интеграции оказались даже самые крупные военно-промышленные комплексы в мировой истории. С другой стороны, несмотря на недавние неудачи, удивительная экономическая экспансия Восточной Азии продемонстрировала, что силы глобальной интеграции не обязательно подрывают государства. Однако государства, которые испытали наибольший подъем своей мощи, не соответствуют широко распространенному образу государств-наций. Некоторые являются городами-государствами — одно суверенное (Сингапур) и одно полусуверенное (Гонконг). Другие представляют собой полусуверенные военные протектораты США — Япония, Южная Корея и Тайвань, как их охарактеризовал Брюс Каммингс (Cumings 1997). И все они не имеют глобального военного значения и изрядно удалены от традиционных центров власти западного мира. Таким образом, глобализация может быть неверным определением того, что происходит в действительности. Однако те значительные сдвиги, которые вытекают из употребления данного термина, бросают серьезные вызовы устоявшимся способам мышления о нашем мире.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МАКРОСОЦИОЛОГИЯ ОСМЫСЛИВАЕТ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

В тот же период, когда глобализация преобразовывала мир, североамериканская макросоциология была сама трансформирована появлением двух новых теоретических школ. Первая из них получила организационное закрепление в качестве Секции сравнительной и исторической социологии (СИС), а другая — Секции политической экономии мир-систем (ПЭМС) Американской социологической ассоциации. Обе школы были нацелены на мобилизацию исторического знания для решения макросоциологических проблем, однако они радикально различались по способам определения основных сфер своего анализа.

Под лозунгом «Возвратим государство назад» — *Bringing the State Back In* — приверженцы СИС в качестве основной единицы анализа начали рассматривать отдельное государство и его структуры. Именно к их анализу они обращались в поисках обобщений относительно как общих характеристик, так и причин наблюдаемых пространственно-временных вариаций. Специалисты ПЭМС, напротив, как правило, обращались к анализу *системы* государств, вытекающей из межгосударственного разделения труда. Именно такие системы государств выступали для ПЭМС основной единицей анализа и ключом к пониманию принципов взаимозависимости отдельных компонентов системы и пространственно-временной вариации среди них. Хотя несколько исследователей и попытались преодолеть этот методологический раскол, в общем и целом, основной мейнстрим той и другой школы исторической макросоциологии развивался практически в полной изоляции друг от друга и без всякого понимания того, что разные проблемы требуют и разных единиц анализа.

На первый взгляд могло бы показаться, что глобализация бросила больший вызов макросоциологии СИС, а не ПЭМС. Разве глобализация не размывает внутреннюю структуру и независимость отдельных государств, из которой исходит макросоциология СИС? Разве не переключает всеобщее внимание на транснациональную взаимосвязанность процессов образования государства и процессов накопления капитала, на анализе которых основывается макросоциология ПЭМС? Понятно, что специалисты в ПЭМС не стеснялись в выдвигании подобных претензий.

«Сегодня фразы „мировая экономика“, „мировой рынок“ и даже „мир-система“ являются избыточными фразами, срывающимися с уст политиков, комментаторов средств массовой информации, а также безработных. Но немногие знают, что самым значимым источником, давшим жизнь этим выражениям, была работа, начатая социологами в начале 70-х гг. XX века....Они [мир-системные социологи] не только почувствовали глобальный характер экономических взаимосвязей 20 лет назад, до того как это вошло в широкий общественный дискурс, но и поняли, что многие подобные взаимоотношения уходят своими корнями в прошлое, как минимум, пятисотлетнее. В течение этого времени народы земного шара стали связанными в одно единое образование: современную мир-систему» (Chase-Dunn and Grimes 1995, pp. 387–388; см. также: Friedmann 1996, p. 319).

Отсюда также понятно, почему представители СИС менее охотно затрагивали проблемы, которые выдвигала глобализация для их основной единицы анализа. В новом обзоре сравнительных исследований социальных революций спустя пятнадцать лет после опубликования своего знаменитого исследования в данной области Теда Скочпол (Skocpol 1994) даже не упоминает глобализацию в качестве проблемы (или не проблемы) для государство-центрированной методологии, которую она так яростно защищала. Питер Эванс, еще один видный представитель СИС, хотя и выступил против возрождения неоутилитаристских теорий «минимального государства», но только для того, чтобы снова отвести государству центральную роль в экономическом развитии и макросоциологическом анализе (Evans 1995; Kohli et al. 1995).

Оба вида заявлений — о том, что глобализация продемонстрировала обоснованность макросоциологии ПЭМС, или о том, что она не подорвала законности макросоциологии СИС — во многом справедливы. Тем не менее ни одно из них не осталось не оспоренным в пределах породившей их школы. Далеко не приветствующий популярность мир-системной терминологии Иммануил Валлерстайн предупредил коллег-макросоциологов ПЭМС, что эта семантическая экспансия «для совершенно иных, противоположных [по отношению мир-системному анализу] целей... может привести к серьезной путанице в научной среде и, еще хуже, привести к беспорядку, который вообще подорвет нашу способность разрешения выдвинутых проблем» (Wallerstein 1996, p. 108). Со своей стороны, Чарльз Тилли предупредил своих коллег-макросо-

циологов СИС, что глобализация представляет серьезную угрозу для основных предпосылок их исследовательской методологии, потому что «система отдельных, четко очерченных суверенных государств, которые долго служили ее скрытым основанием, быстро распадается» (Tilly 1995a, pp. 3–4).

Более важным является тот факт, что, как показывает недавняя полемика между Тилли и Валлерстайном, у каждого варианта исторической макросоциологии в осмыслении глобализации в качестве важной макросоциологической проблемы есть свои провалы и свои находки. В статье, после которой и последовал обмен мнениями, Тилли определяет глобализацию как «увеличение в географическом диапазоне локально последовательных социальных взаимодействий, особенно, когда это увеличение распространяет существенную часть всех взаимодействий через международные или межконтинентальные границы». Он предполагает, что в течение прошлого тысячелетия именно таким образом и возникли, как минимум, три волны политической и экономической глобализации. Первая волна прошла в XIII столетии, когда образование Монгольской империи создало условия для появления афро-евразийской мировой торговой системы, детально проанализированной Джанет Абу-Луход (Abu-Lughod 1989). Вторая – в XVI столетии, «когда европейская коммерческая и военная экспансия соединила Индийский океан с Карибским морем густой сетью обмена и господства». И третья – в XIX столетии, «когда империалистическая лихорадка подчинила четыре пятых мирового земного пространства господству европейских народов» (Tilly 1995b, pp. 1–2).

Тилли продолжает свой анализ, предлагая список из девяти пунктов, которые, как ему кажется, представляют обстоятельное доказательство того, что мы, возможно, переживаем новую волну глобализации. В его последующем обсуждении влияния этой новой волны глобализации на права и достижения рабочего класса он противопоставляет ее предыдущей волне по воздействию на современное национальное государство, его силу и эффективность. В ходе волны XIX века, начинающейся примерно в 1850 г., государства (в основном европейские и западные, которые и являются, собственно, предметом обсуждения в дискуссии Тилли) значительно усовершенствовали свои способы влияния на технологические инновации, занятость, инвестиции и финансы. Это произошло за счет более энергичного вмешательства государства (через мониторинг и контроль) в процессы накопления, движения и перемещения капитала, товаров, людей и идей внутри и за пределами национальных границ. В ходе нынешней волны, государства, напротив, теряют свою способность контролировать и управлять такими фондами и потоками, а также, соответственно, и проводить эффективную социальную политику. «Транснациональные корпорации, международные банковские синдикаты и крупные криминальные структуры непосредственно принимают участие в некоторых из этих изменений, но они также вытекают и из появления таких наднациональных образований, как ЕС» (Tilly 1995b, pp. 14–18).

В своем ответе Валлерстайн утверждает, что, в основном, он полностью согласен с изображенной Тилли картиной, за исключением двух тесно

связанных вопросов. Во-первых, Валлерстайн отвергает тезис о том, что «источником упадка сильного государства является подъем „мощных наднациональных организаций“, немало из которых представляют собой транснациональные корпорации». Согласно его точке зрения, мощные наднациональные организации, такие как МВФ, существуют потому, что существуют мощные государства, которые поддерживают их. Что более важно,

«транснациональные корпорации занимают сегодня ту же самую структурную позицию в отношении государств, как и все их мировые предшественники, начиная с Фуггеров и голландской Ост-Индской компании, и заканчивая манчестерскими мануфактурами XIX века. И те и другие нуждаются в государствах и ведут с ними борьбу. Они нуждаются в поддержке государства для обеспечения глобальных попыток монополизации и, следовательно, гарантирования более высокого уровня прибыли, так же как и для содействия в ограничении требований трудящихся классов. С другой стороны, они борются с государством как защитником устаревших интересов или против его чрезмерной чувствительности к требованиям рабочих. Я не вижу никаких существенных отличий в этом отношении в 1994 году по сравнению с 1894, 1794 или даже 1594 годом. Да, сегодня есть факсы, которые действуют быстрее, чем телеграф, функционирующий быстрее, чем посыльные. Но ведь основные экономические процессы остаются теми же самыми... Что изменилось за последнее время — так это не экономика мир-системы, а ее политика» (Wallerstein 1995, pp. 24–25).

Здесь Валлерстайн переходит ко второму своему главному разногласию с Тилли. Свертывание функций государства, инициированное Тетчер и Рейганом, не было реакцией на снижение эффективности государственных действий в контексте роста наднациональных и межнациональных организаций, на чем настаивает Тилли. Напротив, это было скорее реакцией «на *возросшую* эффективность государственного перераспределения, что вызвало попытку ограничить государство и делегитимизировать его редистрибутивные функции... Дело было не в том, что государства тратили деньги впустую, а в том, что тратили они слишком много». А происходило это потому, что «объединенные требования стран Третьего мира (относительно малые в расчете на одного человека, но не на все население) и западного рабочего класса (не очень большие с учетом относительно небольшого количества людей, но весьма значительные в расчете на одного человека) «намного превышали то, что мог обеспечить мировой капитализм (Wallerstein 1995, pp. 25–26).

Как мы увидим в следующей части статьи, первое разногласие Валлерстайна с Тилли указывает на теоретические схемы, которые должны быть заново переосмыслены специалистами ПЭМС, в то время как второе разногласие указывает на положения, которые нуждаются в дополнительной проработке уже представителями СИС. Однако прежде чем мы продолжим, позвольте заметить, что эти разногласия возникают в контексте базового консенсуса со стороны обоих направлений по поводу того, что глобализация не явля-

ется столь беспрецедентным феноменом, как считает большинство исследователей, и что понимание смысла и перспектив данного явления требует временного горизонта, который охватывает скорее столетия, чем десятилетия. Это согласие само по себе является важной общей почвой, на которой два варианта исторической макросоциологии могут объединить свои силы, чтобы понять, что собой представляет нынешняя волна глобализации.

Также многообещающим является обмен ролями, возникший после обмена мнениями. Тилли, чья историческая макросоциология была прямо основана на национальных государствах как основных единицах анализа, так серьезно воспринимает появляющиеся институты мирового капитализма, что отклоняет отстаиваемое ранее положение о значении национальных государств как основной движущей и созидательной силы современного мира. Валлерстайн, чья историческая макросоциология таким же образом была основана на мировой капиталистической системе как основной единице анализа, поддерживает идею сохраняющейся значимости национальных государств до такой степени, что отклоняет принципиальную новизну появляющихся институтов мирового капитализма. Нам не следует слишком переоценивать эту перестановку, потому что Тилли также всегда осознавал важность мирового капитализма в процессах возникновения национальных государств, как, с другой стороны, и Валлерстайн, который в процессах формирования и экспансии мирового капитализма всегда отводил важную роль национальному государству (я думаю, даже несколько большую, чем оно заслуживает). С учетом этого данная перестановка может все-таки приниматься как свидетельство потенциальной брешы в той стене методологического противостояния, которая очень долго разделяла школы СИС и ПЭМС между собой.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?

Чтобы понять, что такое глобализация, и получить некоторое понимание возможных и вероятных результатов взаимосвязанных процессов и событий, которые подразумевает это понятие, мы должны понимать три вещи. Во-первых, мы должны понимать, что же в действительности является новым в нынешней волне глобализации по сравнению с более ранними ее волнами. Во-вторых, нам нужно понимание того, каким образом действительные новации, если таковые вообще имеются, могут быть вписаны в предполагаемую эволюционную модель последовательных волн глобализации. И, наконец, нам необходимо точно знать, действительно ли (а если да, то каким образом) новации, которые не укладываются в нее, могут предположительно вести и к отходу от прошлых моделей воспроизводства и развития капитализма.

В представлении моих собственных предварительных ответов на эти вопросы, я сосредоточусь на трех проблемах, которые, как мне кажется, требуют глубокого обдумывания со стороны одной или обеих школ исторической макросоциологии. Первые два вопроса относятся к разногласиям между Валлерстайном и Тилли: необходимо выяснить, во-первых, сохранилась ли сегодня та же структурная позиция ведущих деловых организаций мирового капи-

тализма в отношении государств, какой она была начиная с XVI века, и во-вторых, являются ли действительные новации нынешней волны глобализации тем препятствием, о которое споткнулись доминирующие институты мирового капитализма перед лицом объединенных требований рабочего класса Запада и народов Третьего мира. Третий вопрос затронут только мимоходом в дискуссионной статье Тилли и совсем не присутствует в ответе Валлерстайна, но, вероятно, он наиболее важен. Это вопрос, возникший в связи с видимым перемещением эпицентра глобальной экономики в Восточную Азию, где он и находился во время первой волны глобализации по списку Тилли.

Чтобы разрешить первую проблему, макросоциологи ПЭМС должны быть готовы переосмыслить то, что многие из них расценивают как квинтэссенцию мир-системной теории. Это положение о том, что структуры мировой капиталистической системы, несмотря на их экстраординарную географическую экспансию, остались в той или иной степени теми же самыми, какими они были во времена их появления в „длинном XVI столетии“. Данное положение оказалось весьма продуктивным на первоначальных этапах формирования макросоциологии ПЭМС. Однако чем больше я работал над этим вопросом, тем больше убеждался в том, что данная гипотеза не подтверждается более внимательным историко-эмпирическим анализом и, что еще хуже, она не дает нам возможности проникнуть в само сердце динамики капитализма как в прошлом, так и в настоящем.

Как я доказывал и обосновывал в другой своей работе (Arrighi 1994), мы действительно можем обнаружить воспроизводство одной и той же модели взаимоотношений между государством и капиталом, начиная с самых ранних стадий формирования мировой капиталистической системы вплоть до настоящего времени. Эта модель включает в себя периодически возобновляемые периоды финансовой экспансии, в ходе которой ведущие капиталистические организации данной эпохи пытаются изъять растущую часть поступающих наличных денежных потоков из торговли и производства, переключив свою деятельность на займы, кредитование и финансовые спекуляции. Во все периоды финансовой экспансии — от ренессансной Флоренции и до эпохи Рейгана — переход от доминирования торговли и производства к доминированию финансов становился прибыльным из-за интенсификации межгосударственной конкуренции за все более подвижный капитал. Если не брать во внимание масштаб и размах конкуренции, а также быстрое действие технических средств, применяемых в финансовых сделках, то базовый политико-экономический процесс в этом отношении в конце XX века остался таким же, каким он был одно, два, четыре или даже шесть столетий назад.

Тем не менее периоды финансовой экспансии не являются выражением неизменных структурных отношений между государствами и капиталом. Наоборот, они сигнализируют о начале фундаментальной реструктуризации этих отношений. Они, по словам Фернана Броделя, «признак осени» основных достижений капитализма данной эпохи (Arrighi 1984, pp. 246). Они являются таким «сезоном года», когда ведущие организационные центры мирового капитализма пожинают плоды своего лидерства, и в то же время

периодом, когда их постепенно начинают теснить на командных высотах мирового капитализма новые растущие лидеры. Таким образом, например, в возглавляемой Генуей финансовой экспансии второй половины XVI в. города-государства, такие как Венеция, и транснациональные торговые диаспоры (те же генуэзцы) постепенно утратили свою центральную позицию в процессах накопления капитала во всемирном масштабе. Через некоторое время их место было занято первым прообразом государства-нации — Объединенными провинциями (Голландией) и ее колониальными торговыми компаниями, которые постепенно потеряли свою ведущую роль именно в период голландской финансовой экспансии XVIII века. Новым организующим центром стала Великобритания с мировой колониальной империей снаружи и мировой деловой сетью внутри. Но как только эти правительственные и деловые институты достигли своего апогея в британской финансовой экспансии конца XIX—начала XX веков, их также начал вытеснять с командных высот капитализм Соединенных Штатов, гигантской страны континентального масштаба, защищенной поясом из транснациональных корпораций и внешних военных баз (Arrighi 1994, pp. 13–16, 74–84, 235–358, 330–331).

В этом контексте повторяющееся появление новых ведущих комплексов правительственных и бизнес-организаций, которые являются более мощными как в военном, так и в материальном отношении, чем комплексы, которые они вытесняют, является ключевым аспектом экспансии мирового капитализма со времен его скромного зарождения в позднесредневековой Европе до сегодняшних всеобъемлющих глобальных измерений. Появление транснациональных корпораций как ключевых компонентов американского капиталистического комплекса также является частью этой модели. Но вопрос, поднятый Тилли, заключается в том, становятся ли они в период нынешней американской финансовой экспансии той силой, которая скорее подрывает, чем укрепляет потенциал национальных государств вообще и США — в частности.

Самый подходящий путь решения этой проблемы — это сравнение транснациональных корпораций с их ближайшим аналогом в капиталистической истории — колониальными акционерными компаниями XVII–XVIII веков. В этом сравнении сразу же можно выделить два различия. Во-первых, в то время как колониальные акционерные компании фактически наполовину принадлежали правительству, специализируясь территориально на монополизации коммерческих возможностей в неевропейском мире от имени государства, которое им покровительствовало, ТНК являются скорее функционально специализированными бизнес-организациями, действующими поверх границ государств. Во-вторых, в то время как существование колониальных компаний зависело исключительно от эксклюзивных торговых привилегий, предоставленных метрополией, ТНК утвердились и размножились прежде всего за счет конкурентоспособности их управленческих иерархий.

Взятые вместе, эти два различия направили развитие двух разновидностей корпоративного капитализма по противоположным путям, которые разошлись настолько, насколько оказалось противоположным их взаимоотно-

шение с собственным государством. Благодаря своей территориальной специализации и наличию исключительных полномочий колониальные торговые компании всех европейских наций всегда были не очень многочисленны (не более десятка) и все они были и остались инструментом европейских государств в неевропейском мире во времена, когда сами европейские государства были все еще слабы по мировым стандартам. Хотя большинство из них много не довели до конца, имперское наследие, оставленное, к примеру, английской Ост-Индской компанией, само по себе стало решающим фактором в глобальной экспансии британского и вообще западного господства в XIX веке.

Число транснациональных корпораций, работающих в эпоху американской гегемонии, напротив, является несравнимо большим благодаря их трансграничности и функциональной специализации в значительно расширенной мировой экономике. Более того, за последние годы их число возросло достаточно быстро — согласно некоторым оценкам, с 10 тыс. в 1980 году до 30 тыс. в начале 90-х годов XX века (Stopford и Dunning 1983, p. 3; Ikeda 1996, p. 48). Первоначально эта новая разновидность корпоративного бизнеса играла некоторую роль в поддержке и расширении американского мирового могущества, которая мало чем отличалась от роли, которую играли колониальные торговые компании в XVII–XVIII вв. в случаях голландской и британской гегемонии (Gilpin 1975, p. 141–142). Однако вскоре их распространение привело к неприятным последствиям для американского могущества. Это случилось в тот момент, когда американское правительство наиболее нуждалось в «урезании» тех притязаний, которые американские ТНК выдвинули в качестве причитающейся им доли мировых ресурсов и доходов. И это все происходило тогда, когда резко обострился фискальный кризис американского «государства военного и социального благосостояния» (warfare-welfare state), усиленный под воздействием вьетнамской войны и движения за гражданские права в США. По мере углубления кризиса увеличивающаяся доля денежных потоков американских корпораций вместо того, чтобы быть возвращенной обратно в США, направлялась на офшорные денежные рынки, ускоряя крах контролируемой Америкой Бреттон-Вудской валютной системы (Arrighi 1994, pp. 300–308).

Короче говоря, конечно же, Валлерстайн не возражал бы против тезиса, что существует множество доказательств в поддержку Тилли о том, что непрерывный рост количества и разнообразия ТНК представляет собой нечто новое в отношениях между государством и капиталом. Так или не так, но транснациональные корпорации, как и их предшественники, в той или иной степени «нуждаются» в государстве, и даже более того — во многих случаях они не могут без него обойтись. Однако, с другой стороны, *невольным* результатом быстрого распространения ТНК является явное сужение возможностей западных национальных государств, что представляет собой резкий контраст по сравнению с положением до и во время предшествующей волны глобализации XIX века. Тем не менее из этого отнюдь не следует, что упадок национального государства был главной движущей силой, стоящей за тетчеро-рейгановским наступлением на права рабочих через

возрождение неоутилитаристской доктрины «минимального государства». Напротив, в этом втором вопросе именно точка зрения Тилли, а не Валлерстайна, не выдерживает проверки подробным историко-эмпирическим исследованием, и скорее макросоциологи СИС, а не ПЭМС, должны многое в своих построениях переосмыслить и обдумать заново. Мне кажется, что чаша весов с доказательствами склоняется не в пользу Тилли из-за трех важнейших моментов.

Во-первых, возрождение неоутилитаристских доктрин не может рассматриваться как некая принципиальная новизна конца XX столетия, именно потому, что оно действительно является всего лишь *возрождением*. Более того, это возрождение как раз тех доктрин, которые стали главенствующими в западном мире именно во второй половине XIX столетия — во времена, когда, по мнению Тилли, западные государства скорее расширяли свои полномочия, чем сокращали их. И наконец, 100 лет назад эти доктрины не являлись (и не воспринимались рабочими) наступлением на их права и условия жизни, доказательством чему являлась поддержка, которую британский рабочий класс и Лейбористская партия оказывали британской политике *односторонней* свободной торговли. Ясно, что либо неолиберальные лозунги, возродившиеся в 80-е гг. XX века, означают нечто совершенно отличное от того, что они подразумевали вначале, 100 лет назад, либо данное возрождение не может быть приписано историческим обстоятельствам (свертыванию полномочий национальных государств на Западе), представляющим собой совершенно противоположное тому, что происходило 100 лет назад.

Во-вторых, массовое бегство капитала в офшорные зоны, которое в конце 60-х гг. XX в. способствовало дезинтеграции Бреттон-Вудской валютной системы, произошло в период резкого роста уровня массового потребления в Первом мире и бурных перемен (национального самоопределения и перехода к социально-экономическому развитию) в Третьем мире. В период этого бегства транснациональные корпорации фактически выразили вотум недоверия способности США и их европейских союзников не допустить, под напором этого двойного давления, серьезного падения прибыльности их глобальных операций. Невольным результатом вотума недоверия стало дальнейшее ослабление этой способности и последовавшее за ним всеобщее понимание того, что американский мировой порядок переживает серьезный кризис. Тем не менее в течение большей части 70-х гг. XX в. доминирующей силой в динамике кризиса оставались социальные движения Первого и Третьего мира, которые добивались признания, обещая переход к Новому курсу в глобальном масштабе, который подорвет американский мировой порядок (ср.: Arrighi 1982; Arrighi, Hopkins and Wallerstein 1989; Arrighi 1994).

Наконец, вопреки своей риторике «минимального государства», ответом Тетчер и Рейгана на кризис 70-х гг. XX в. являлось не «уменьшение государства» из-за «снижающейся эффективности государственных действий», как считает Тилли. Отнюдь не «уменьшая государство», правительство США под руководством Рейгана накапливает самый большой национальный долг

за всю историю США; и именно этот долг, в большей степени, чем что-либо еще, связывает сегодня руки американскому правительству как внутри страны, так и за рубежом. Именно для восстановления доверия все более транснационального и подвижного капитала главное острие ответного тетчерорейгановского удара было направлено на поиск такой замены раздувшемуся государству Запада, которая могла бы слегка спустить социальное давление рабочих Первого мира и народов Третьего мира. Попытка была в значительной степени успешна, но ее ценой стало дальнейшее разрушение того, что осталось после мирового порядка при Холодной войне. Это разрушение включило в себя и быстрое распространение новых форм военных действий, предполагающих использование отнюдь не дисциплинированных национальных армий прошлой эпохи, что Тилли совершенно верно идентифицировал в качестве наиболее важных признаков общего ослабления государственного потенциала (см. эпилог в Arrighi 1994; Tilly 1995b, pp.17–18).

Подводя итог, можно сказать, что наступление на права трудящихся, которое характеризует настоящую волну глобализации, может быть объяснено факторами всемирно-исторического масштаба, что радикально отличает ее от обстоятельств происхождения предшествующей волны глобализации XIX века. Хотя присутствие большого и все возрастающего количества разнообразных транснациональных корпораций является действительно достаточно новым явлением, но совсем не оно объясняет принципиальное различие этих волн. Для того чтобы понять, например, природу и последствия данного наступления на завоевания социального государства, мы должны сосредоточиться на изменениях во властных отношениях, которые произошли не между государством и капиталом, а между Западом и «незападным» миром в целом. То есть мы должны обратить свое внимание прежде всего на факт того, что в период глобализационной волны XIX века власть западных государств над «незападным» миром была весьма сильной и все более укрепляющейся, тогда как при настоящей волне она принципиально слабее и имеет явную тенденцию к дальнейшему своему снижению.

Это то различие, которое макросоциологи СИС так до сих пор не могут уловить, и для понимания которого им необходима корректировка всей своей исследовательской методологии. Для СИС она все еще основывается на предположении, что государства (прежде всего западные, которые представляли для нее основной интерес) являются отдельными, четко очерченными единицами, чьи характеристики определяются в основном тем, что происходит внутри этих единиц или при их взаимной конкуренции. Являясь полезным при определении общей характеристики и принципов пространственно-временной вариации национальных государств, это предположение «перекрыло» для макросоциологии СИС понимание двух базовых обстоятельств, определивших пути образования государств в эпоху Модерна. Во-первых, того, что на протяжении всей современной эпохи властные отношения западных государств внутри и между собой были в значительной степени сформированы под влиянием их взаимодействия с «незападным» миром. Во-вторых, того, что и западные, и «незападные» государст-

ва являются, прежде всего, результатом процесса бурного завоевания мира европейскими государствами. Этот процесс получил наиболее явное воплощение как раз в выделенных Тилли второй и третьей волнах глобализации, при этом начало обратного процесса стало наиболее важной и принципиальной особенностью нынешней волны. Как можем мы понять волну глобализации XIX века, во главе которой находилась Великобритания, без того, чтобы не принять во внимание наличия под ее контролем гигантской Индии? И наоборот, не являются ли многие из проблем, с которыми столкнулись США в ходе нынешней волны глобализации, следствием того, что в отличие от Великобритании, переживавшей волну глобализации в XIX веке, у США нет такой «Индии», которая покрыла бы их баланс платежного дефицита и снабдила бы военными и людскими ресурсами, необходимыми для управления миром?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая данную статью, я хотел бы указать на последний вопрос, который так и не был поднят в ходе дискуссии Тилли и Валлерстайна, но который является наиболее важным для понимания предполагаемых последствий нынешней волны глобализации. Эта проблема находится в центре последней книги Андре Гундера Франка (Frank 1998), но впервые она была поднята в рамках макросоциологии ПЭМС Джанет Абу-Луход при исследовании того, что Тилли определяет как первую волну глобализации прошлого тысячелетия. На последних страницах своей книги она пишет, что не очень ярко выраженная и не очень интенсивная волна глобализации XIII века, может более чем что либо еще помочь нам в понимании нашего будущего (Abu-Lughod 1989, pp. 369–372).

Дело в том, что в ходе именно первой волны глобализации европейские государства постепенно завоевали мир и превратили его в новую, более плотно связанную систему, ядром которой стала Европа. Хотя непосредственный центр расширяющейся системы «мигрировал» от страны к стране и в конечном итоге оказался в Северной Америке, «он оставался в пределах общей культурной зоны, в которую не входили государства Африки, Латинской Америки и Азии, — пишет Абу-Луход. — И хотя основные экономические и политические институты ядра системы и подверглись существенным преобразованиям, в целом они, однако, остались в пределах западной культурной традиции». Социальные науки превратились в часть этой традиции и стали настолько заикленными на «изучении характеристик и эволюции именно этой „современной“ мир-системы, что мы не готовы к пониманию того, что, по нашему ощущению, может быть ее концом или, по крайней мере, ее радикальным преобразованием» (Abu-Lughod 1990, pp. 281–282).

Ощущение того, что нас ждет некий радикальный сдвиг, часто затмевается тем, что «многие бывшие европейские колонии в Африке и на Ближнем Востоке, обретя независимость после Второй мировой войны, фактически стали занимать более низкое место в мировой системе» (Abu-Lughod 1989,

р. 370). После того как это было написано, это чувство было еще более затуманено самопровозглашенным «триумфом Запада» в Холодной войне — претензией, которая упускает из виду факт того, что СССР был такой же частью западной культурной традиции, что и США, и что Холодная война была, прежде всего, *гражданской войной Западного мира*. Но несмотря на все это, как отмечалось ранее, ослабление силы многих «незападных» государств и дальнейшая централизация властных ресурсов на историческом Западе сопровождалась одновременным экономическим подъемом государств, значительно более удаленных от традиционных западных центров силы, что не имеет прецедентов в современности. Этот подъем все еще во многом не стабилен, доказательством чему является продолжающийся финансовый кризис в Восточной Азии. Но кризисы такого рода были типичны для *периода возникновения* всех центров мирового капитализма, включая США во время и после краха 1929–1931 гг. (Arrighi, Silver et al. 1999).

Как считает сама Абу-Луход, будучи все еще в зародышевом состоянии, это изменение может быть признаком того, что «старые преимущества, которые лежали в основе гегемонии Запада, рассеиваются» (Abu-Lughod 1989, pp. 370–371). Хотя централизация средств массового поражения в руках США беспрецедентна, у Соединенных Штатов нет ни человеческих, ни финансовых ресурсов, необходимых для того, чтобы преобразовать ее в эффективное мировое могущество. И хотя ни одно из государств Восточной Азии, которые разбогатели под щитом гегемонии США, все еще не может бросить вызов США в военном отношении, также справедливо и то, что ни одно из них не готово выдать карт-бланш, не говоря уже о пролитии крови, для защиты и сохранения американского военного превосходства.

Вместо того чтобы наблюдать обычный синтез высшей военной и финансовой власти, характерный для всех прошлых случаев смены лидерства в эшелонах мирового капитализма, мы являемся свидетелями беспрецедентного раскола, в ходе которого глобальное военное превосходство остается в руках угасающего западного гегемона, а мировая финансовая власть переходит в руки Восточной Азии (см. эпилог: Arrighi 1994). При таких обстоятельствах, перефразируя Абу-Луход, действительно трудно представить, что эпоха западной гегемонии будет заменена новой формой мирового завоевания. И, действительно, более вероятным кажется «возвращение к относительному балансу множества центров, существовавших в мировой системе XIII века». Такое возвращение неизбежно требовало бы «перехода к другим правилам игры или, по крайней мере, повлекло бы конец правил, установленных Европой в XVI веке» (Abu-Lughod 1989, p. 371).

Обе школы исторической макросоциологии мало говорят о том, какими могут быть эти правила, и о том, как контролировать процесс, который может в конечном итоге их породить. Я думаю, это объясняется тем, что обе школы пытались поместить нынешний подъем Восточной Азии в непригодные для этого теоретические схемы. Возможно, пришло время опробовать противоположную стратегию, то есть переосмыслить эти схемы в свете перемещения центра глобальной экономики в Восточную Азию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Abu-Lughod, Janet (1989), *Before European Hegemony. The World System A. D. 1250–1350*, New York: Oxford University Press.
2. Abu-Lughod, Janet (1990), «Restructuring the Premodern World-System», *Review*, XIII, 2, 273–286.
3. Arrighi, Giovanni (1978), *The Geometry of Imperialism. The Limits of Hobson's Paradigm*, London: Verso.
4. Arrighi, Giovanni (1982), «A Crisis of Hegemony», in S. Amin, G. Arrighi, A. G. Frank and I. Wallerstein, *Dynamics of Global Crisis*, New York: Monthly Review Press, 55–108.
5. Arrighi, Giovanni (1994), *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*, London: Verso.
6. Arrighi, Giovanni, Terence Hopkins and Immanuel Wallerstein (1989), *Antisystemic Movements*, London: Verso.
7. Arrighi, Giovanni, Beverly Silver et al. (1999), *Chaos and Governance in the Modern World System*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
8. Braudel, Fernand (1984), *The Perspective of the World*, New York: Harper and Row.
9. Chase-Dunn, Christopher and Peter Grimes (1995), «World-Systems Analysis», *Annual Review of Sociology*, XXI, 387–417.
10. Cohen, Benjamin (1996), «Phoenix Risen. The Resurrection of Global Finance», *World Politics*, XLVIII, 268–96.
11. Cumings, Bruce (1997), «Japan and Northeast Asia into the 21st Century», in P. J. Katzenstein and T. Shiraishi, eds., *Network Power. Japan and Asia*, Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 136–68.
12. Evans, Peter (1995), *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
13. Frank, Andre Gunder (1998), *ReORIENT. Global Economy in the Asian Age*, Berkeley, CA: University of California Press.
14. Friedmann, Harriet (1996), «Prometheus Rebound», *Contemporary Sociology*, XXV, 3, 319–22.
15. Gilpin, Robert (1975), *U. S. Power and the Multinational Corporation*, New York: Basic Books.
16. Harvey, David (1995), «Globalization in Question», *Rethinking Marxism*, VIII, 4, 1–17.
17. Ikeda, Satoshi (1996), «World Production», in T. K. Hopkins, I. Wallerstein et al, *The Age of Transition. Trajectory of the World-System 1945–2025*, London: Zed Books, 38–86.
18. Kindleberger, Charles (1969), *American Business Abroad*, New Haven, CT: Yale University Press.
19. Kohli, Atul et al (1995), «The Role of Theory in Comparative Politics. A Symposium», *World Politics*, XLVIII, 1–49.
20. Polanyi, Karl (1957). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, MA: Beacon Press.
21. Ruggie, John (1994), «Third Try at World Order? America and Multilateralism after the Cold War», *Political Science Quarterly*, CIX, 4, 553–70.
22. Skocpol, Theda (1994), *Social Revolutions in the Modern World*, New York: Cambridge University Press.
23. Stopford John M. and John H. Dunning (1983). *Multinationals: Company Performance and Global Trends*. London: Macmillan.
24. Tilly, Charles (1995a), «Macrosociology, Past and Future», Newsletter of the Comparative & Historical Sociology Section of the American Sociological Association, VIII, 1–2, 1–4.
25. Tilly, Charles (1995b), «Globalization Threatens Labor's Rights», *International Labor and Working Class History*, No. 47, Spring, 1–23.
26. Wallerstein, Immanuel (1995) «Declining States, Declining Rights» [Response to Charles Tilly], *International Labor and Working Class History*, No. 47, Spring, 24–27.
27. Wallerstein, Immanuel (1996), «The Rise and Future Demise of World-Systems Analysis», *Review*, XXI, 1, 103–112.

*Перевод с английского Н. Винниковой
под редакцией А. Фисуна*